Александр Писарев

Конфликт бессмертий: биополитика церебрального субъекта и религиозная жизнь в сериале «Видоизмененный углерод»

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-3-149-172

Alexander Pisarev

Conflict of Immortalities: Biopolitics of Cerebral Subject and Religious Life in *Altered Carbon* Series

Alexander Pisarev — Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (Moscow, Russia). topisarev@gmail.com

The article explores a possible conflict between practical and ethical implications of scientific and religious discourses about human nature proposed by the sci-fi series "Altered Carbon." It discusses the clash between biopolitically implemented technology and the religious life. The scientific discourse is represented by the "ideology of the cerebral subject" (F. Vidal, F. Ortega), which establishes the connection between the brain and the self. A brief examination of examples of the embodiment of this ideology in science fiction and its general logic follows. Final development of neuroscience in this series is technology of uploading self on a digital carrier, which allows to achieve quasi-immortal state by changing bodies. This technology, biopolitically appropriated and introduced by the state in individual lives, conflicts with the religious life of neo-Catholics who refuse to transfer their self after bodily death into another body. Thus, the field of collision of the intervention of the science-inspired biopower into the life of the individual and her religious life is marked by the coordinates of life and death. The article discusses this fundamental collision, its biopolitical background and its implications.

Keywords: cerebral subject, brain, science fiction, biopolitics, death, soul, religion.

Введение

Фантастика в том виде, в каком она понимается в данном исследовании — это пространство культурного и философского экспериментирования[1], погружающего вымысел в ту или иную версию нашего мира. В кино, видеоиграх или литературных произведениях фантастика выводит радикальные следствия из развивающихся или только намечающихся научных и социально-политических трендов, угроз, идей и технологий. Эти следствия, трансформирующие устройство человеческого, социального, политического, структурируют выписываемый ею образ будущего. Поэтому научно-фантастические миры будущего едва ли бывают полностью или в значительной степени выдуманными, они генетически связаны с настоящим и собираются из его элементов. В них сохраняются важные черты современного автору мира. Так, авторы моделируют возможные конфликты радикальных следствий, выведенных из тенденций и реалий нашего мира. Они предлагают читателю или зрителю мысленный эксперимент, не ограниченный жесткими требованиями, сковывающими мысленные эксперименты в науке. Эксперимент в научной фантастике достигает убедительности благодаря тому, что в мире, в котором он разворачивается, читатель или зритель без труда узнает версию своего мира. Научная фантастика, таким образом, — это один из инструментов социального воображения.

Религия и жизнь верующих также являются предметом научно-фантастического экспериментирования. Во многих произведениях религия и религиозная жизнь индивидов трансформируются в зависимости от того, что структурировало образ будущего, — технологическое или научное развитие, вторжение инопланетян, трансформация природы человека, изменение политической сферы и т. д. Нас будет интересовать взаимодействие научных онтологий самости, взятых на вооружение биополитической властью, и религиозных практик и представлений. Интерес к человеку, его трансформациям и управлению его жизнью издавна свойственен научной фантастике. Неслучайно одной из первых вех в истории фантастической литературы стал роман

1. Подробнее о культурной и философской подоплеке фантастики см.: *Кузнецов В.Ю.* Философия фантастики, или Фантастика как феномен культуры // Волшебная гора. 1993. № 1. С.269–274; *Кузнецов В.Ю.* Философия фантастики. К постановке проблемы // Философия и общество. 2010. № 1. С. 124–140.

Олафа Стэплдона «Последние и первые люди» (1930)[2], в котором повествуется о растянувшейся на миллионы лет истории трансформаций человеческого рода, претерпевающего самые разные телесные, духовные и интеллектуальные метаморфозы, подъемы и падения цивилизаций, переселение на другие планеты.

Дискурсы о человеческом

Когда мы говорим о человеческом, мы всегда находимся в рамках того или иного приобретенного знания о нем — религиозного, научного, обыденного и т. д. Поэтому реконструкция того, что такое человек, неотделима от практик археологии и генеалогии знания. Одна из самых известных таких реконструкций была предложена Мишелем Фуко в 1966 году в работе «Слова и вещи». То, что в XX веке понималось под человеком, «всего лишь недавнее изобретение, образование, которому нет и двух веков, малый холмик в поле нашего знания, он исчезнет, как только это поле примет новую форму»[3]. В реконструкции Фуко, основанной на анализе истории позитивных наук, а вовсе не философии, конечный секулярный человек — это исторически контингентная конфигурация позитивного знания, точка пересечения трех наук — *о труде, о жизни, о языке*. Поэтому человек обсуждается в терминах изучающих его наук: конфликтов и правил, норм и функций, систем значений и культурных смыслов. Труд, язык, жизнь даны человеку как эмпирические содержания его опыта и одновременно предшествуют ему и обусловливают его познание, выступая изнанкой, теневой стороной мысли. По Фуко, «современное *cogito* приводит бытие вещей к мысли, лишь разветвляя бытие мысли вплоть до тех пассивных волоконцев, которые уже не способны мыслить»[4]. Познавая продукты труда и производство, слова и речь, организм и жизнедеятельность, человек обнаруживает в них условие и исток мышления, которое, таким образом, истончается до того, что само мыслью не является — социальных структур, языка, генетического кода, мозга, плоти, претендующих, таким образом, на статус природы человека.

2. *Стэплдон О.* Последние и первые люди: История близлежащего и далекого будущего. Создатель звезд. М.: АСТ, 2004.
3. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб, 1994. С. 36.
4. Там же. С. 345.

В ходе своего исследования Фуко делает ремарку, которая затем развернется в его позднем творчестве в масштабный проект по изучению этики и технологий заботы о себе, а уже впоследствии ляжет в основу исследовательского поля *governmentality studies*[5]. «Лишь рефлексия, лишь осознание, лишь прояснение безмолвного, лишь возвращение речи немоте, лишь высветление той тени, которая отрывает человека от самого себя, лишь одушевление бездеятельного — вот что составляет теперь единственное содержание и форму этики»[6]. Иными словами, в современном секулярном обществе познавать природу человека значит создавать этику. Наша эпоха, по словам Фуко, бедна на мораль, поскольку этикой стало мышление о немыслимом, воплощенное в позитивных науках. Позитивное знание о природе человека уже не может быть нейтральным, оно освобождает или порабощает. Логос притязает на производство этоса вопреки устанавливаемым критиками Канта разграничениям. Только познав посредством наук свою природу, человек получает шанс совпасть с ней и достигнуть освобождения, выстроить свое поведение в соответствии с ней.

Научное знание о природе человека производит этику как «тип отношений, которые я должен устанавливать с самим собой, *rapport à soi*, то, что я называю этикой и что определяет способ конституирования индивидом себя в качестве морального субъекта своих действий»[7]. В это определение заложена двойственность знания о себе: индивид может как самоконституироваться, так и быть конституируемым различными властными инстанциями. На знании о себе основаны, словами Фуко, управление собой и управление другими. Позитивное знание о природе человека берется на вооружение властью, ставшей в XIX веке научной. Она изучает индивидов с целью вмешиваться в их жизни и оптимизировать их, контролировать случайности, риски, недостатки. Становясь, таким образом, биополитикой, или биовластью[8], она

5. Обзор генеалогии и проблематики этого поля см.: *Дин М.* Правительность. Власть и правление в современных обществах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. Также об идее governmentality см.: *Каплун В.* Перестать мыслить «власть» через «государство»: gouvernementalité, Governmentality Studies и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // Логос. 2019. № 2. С. 179–220.
6. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб, 1994. С. 348–349.
7. *Фуко М.* О генеалогии этики. Обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2. С. 143.
8. Поскольку здесь мы следуем за определением, данным биополитике Фуко, биовласть и биополитика как ее осуществление употребляются как в целом взаимозаменяемые термины.

преследует цели «заставить жить или позволить умереть»[9]. Дискурс о человеке, управление собой (этика), управление другими (управление, биополитика) — таков треугольник, задающий координаты дальнейшего анализа. Он будет посвящен конфликту биополитики и религиозной жизни.

Науки предлагают свои версии эссенциализма (генетического, машинного, церебрального и т. д.), толкующие о природе человека. Когда-то на этом поле доминировали религиозные дискурсы, в эпоху секуляризма они были лишь частично вытеснены из сферы общезначимого и публичного в область приватного и ныне вынуждены так или иначе уживаться с научными и квазинаучными дискурсами, ставшими общезначимыми в западном мире. Мы понимаем себя преимущественно через рабочие объекты науки, пусть и искаженные зачастую до неузнаваемости перипетиями трансляции научного знания (гены, мозг, тело как функциональная система, микробиом), корректируем свое самопонимание и практики в соответствии с новейшими открытиями ученых и основанными на них технологиями. Эти представления и практики не всегда являются приватным выбором индивида, они могут навязываться системами образования, здравоохранения, социального обеспечения, агрессивным маркетингом, устройством городской инфраструктуры и т. д. Они — воплощение идеологии секулярной культуры, в центре которой познающая мир и меняющая человеческую жизнь Наука.

Как отмечал антрополог Пол Рабиноу, человек — это существо, страдающее от обилия дискурсов и знаний о себе самом — обилия, которое не подчиняется никакому Логосу[10]. Представления индивида о себе не монолитная непротиворечивая система, или мировоззрение, а сращенный с практиками бриколаж, разнородные части которого мобилизуются в разных ситуациях и контекстах. Одни — при поиске ответа на вопрос «Кто я такой и что мне делать со своей жизнью?», другие — в более конкретных прагматических целях (терапия и избавление от страдания, достижение эффективности, счастья). Во многом благодаря этому индивид до определенного предела способен усваивать и присваивать несовместимые между собой знания о себе и находить им место

9. *Фуко М.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. С. 261.

10. Rabinow, P. (2002) “Midst anthropology problems”, *Cultural anthropology* 17(2): 135–149.

в своей жизни. Предел совмещения религиозного и научного дискурсов и их практических следствий в жизни верующего, их возможный конфликт, смоделированный в научной фантастике — тема данной статьи.

Идеология церебрального субъекта

В частности, речь пойдет об одном из сильнейших современных дискурсов о природе человека — нейроэссенциализме, связывающем самость с *мозгом*. Для ее анализа воспользуемся концепцией идеологии церебрального субъекта, разработанной на историческом и современном материале историками и социологами науки Фернандо Видалем и Франсиско Ортегой[11]. Ядром церебрального субъекта является неразрывная связь мозга и самости, или личности, человека. Ее можно резюмировать следующей формулой: личность P тождественна личности P*, если и только если P и P* обладают одним и тем же функциональным мозгом. Мозг, иными словами, выступает соматической границей личности и ее жизни. В идее церебрального субъекта заложены два перехода. Во-первых, от эмпирического факта, что мы не можем быть собой без мозга, к метафизическому тезису, что мы — это наши мозги. Мы становимся «церебральными субъектами», уже не только имеющими, но и являющимися мозгами. Во-вторых, от научно корректного тезиса о корреляции между состояниями мозга и состояниями сознания к сильному и пока что недоказанному тезису о причинно-следственной связи между ними.

Представление о такой связи мозга и личности стало умолчанием западного секулярного мира. Как в науках, так и в массовой культуре мозг стал практически безальтернативным кандидатом на роль места самости. Попытки всерьез говорить, что самость человека связана не с мозгом, а с душой или иной вненаучной инстанцией, скорее всего будут восприняты либо как чудачество, либо как проявление поэтичности и романтизма, либо как проявление религиозности, но в любом случае разговор по существу после этого будет прекращен. Еще ни одна часть тела (например легкие, сердце), ни одно проявление человека (эмоции, память),

11. См.: Vidal, F., Ortega F. (2017) *Being Brains: Making the Cerebral Subject*. New York: Fordham University Press; Vidal, F. (2009) "Brainhood, Anthropological Figure of Modernity", *History of the Human Sciences* 22(1): 5–36; Vidal, F., Ortega, F. (eds) (2011) *Neurocultures: Glimpses Into an Expanding Universe*. Frankfurt am Main, New York: PeterLang.

ни одно метафизическое начало (душа) не были так же успешны в роли природы человека, как мозг, заключивший союз сначала с философией, а затем с нейронаукой.

Как показывают Видаль и Ортега, история церебрального субъекта гораздо старше нейронауки — он постепенно формировался в XVII–XVIII веках после отказа от аристотелианской психологии в работах Рене Декарта, Джона Локка, Шарля Бонне и других философов и ученых. Со временем детали связи утонялись, она перешла в ведение естественных наук, обрастала и укреплялась научными фактами, теориями, гипотезами, яркими образами (от френологического атласа до фМРТ-снимков мозга), технологиями. В 1980–90-е годы благодаря технологическому прогрессу в области регистрации состояний мозга нейронаука сделала качественный скачок в развитии и позиционировании, еще больше укрепила связь «мозг — личность» и усилила свои позиции в качестве общественно значимой дисциплины, проливающей свет на природу человека.

Церебральный субъект, еще в начале века проникший в массовую культуру, в этот период усиливает свои позиции. Например, увеличивается количество фильмов и сериалов, воплощающих в своем сюжете церебрального субъекта или тематизирующих когнитивный аспект природы человека[12]. В заголовках научно-популярных и тренинговых лекций, курсов, статей и книг мозг предстает истинным субъектом действий индивида, самым человечным, что есть в человеке: «этический мозг», «социальный мозг», «как мозг заставляет нас делать глупости», «как ваш мозг сохранит вас в безопасности», «ваш мозг вас обманывает», «мы — это наш мозг», «как мозг делает нас тем, что мы есть», «мозг освобожденный», «правила мозга» и т. д. В последние десятилетия субъективности все больше нейрологизируются, все большее число практик определяется отсылкой к нейронауке и мозгу. Представление о мозге как месте самости используется в принятии решений о том, как взращивать, исправлять и управлять собой и другими.

Мозг все больше становится ответственным за то, кем мы являемся, что можем знать, на что надеяться и что должны делать. Кроме того, во многих государствах он переопределил смерть,

12. См. Тематический каталог такой кинопродукции Cognitive science film index, собираемый сотрудниками Отделения когнитивной науки Калифорнийского университета в Сан-Диего [https://www.indiana.edu/~cogfilms/, accessed on 12.06.2019].

став местом ее наступления. При этом циркулирующие за пределами академии представления о мозге и его связи с самостью человека чаще всего далеки от научного знания и представляют собой искажения и абсолютизации фактов, гипотез и обещаний нейронауки, подчас подкрепляющие и насыщающие вненаучные дискурсы. Церебральный субъект, родившись до современной науки, хотя и обосновался в ее лабораториях и институтах, продолжает путешествовать за ее пределами, и разнообразие его версий поистине впечатляюще.

Идеология церебрального субъекта воплощена во множестве разнообразных дискурсов и практик, пронизывающих жизнь индивидов, подчиняющих ее новым нормам или же старым нормам, но перелицованным при помощи словаря и авторитета нейронауки. Ее можно назвать идеологией, поскольку она навязывает исторически контингентные и контекстуально обусловленные представления, ценности и практики, которые натурализируются как самоочевидные на основе веры индивидов в то, что они — это их мозги. Эта вера структурирует поле возможных действий индивидов и приписываемых им смыслов.

Пространство этой идеологии разнородно и вовсе не ограничено стенами лабораторий и университетов. На одном его полюсе такие многомиллиардные научные проекты с амбициозными задачами, как Human Brain Project (2013) и BRAIN Initiative (2013), на другом — многочисленные *self-help* книги и тренинги эффективности и личностного роста, нейромаркетинг и нейротеология, нейробика и нейроаскеза. Результаты, интерпретации результатов, гипотезы и обещания нейронаук подхватываются самими разными инстанциями и акторами, в том числе другими научными дисциплинами, и используются ими по своему усмотрению. Мозг становится объяснительным ресурсом, к которому могут сводиться социальные, гендерные и культурные различия; в нем ищут ключ к счастью, гармоничному существованию, ответственному поведению, нормальности и эффективной работе. Прибавка «нейро-» волшебным образом делает практически что угодно убедительным, солидным и заслуживающим внимания и финансирования. Так нейронауки со своими рабочими объектами разными путями проникают в повседневную, психическую и духовную жизнь индивидов, в самые интимные их представления и дела, подталкивая их к интерпретации все большего числа собственных проявлений сквозь оптику церебрального субъекта. Впрочем, пока что для основной массы верующих на Западе идеология це-

ребрального субъекта скорее приемлема, как приемлемы для них нейронаука и основанные на ее результатах медицинские технологии. В поле практических ситуаций они пока редко вступают в противоречие с доктриной о душе как основе личности.

Однако нарастающее вторжение позитивных наук и, в частности, нейронауки в жизнь индивидов, как через их приватный выбор, так и путем биополитического навязывания — поле потенциального конфликта с религиозной жизнью верующих, и оно размечается координатами жизни и (возможно, прежде всего) смерти. Вооруженная научным знанием биовласть претендует на их переопределение и подчинение, и в этом потенциально сталкивается с представлениями и практиками смерти авраамических религий. «То, что прежде (вплоть до конца XVIII века) придавало смерти ее значительность, диктовало ее столь высокую ритуализацию, было переходом от одной власти к другой. Смерть была переходом от власти суверена нижнего, земного мира к власти суверена другого мира, находящегося по ту сторону земного. Происходил переход от суда одной инстанции к суду другой инстанции, от гражданского или государственного права, от жизни и смерти к праву вечной жизни или вечного проклятия»[13]. Напротив, биополитический режим власти прерывает этот переход и стремится удержать смерть в орбите своей деятельности, а самость — в круге этого мира.

Мысленные эксперименты, позволяющие смоделировать такие конфликты, можно найти в научной фантастике. Далее мы кратко рассмотрим примеры популярного научно-фантастического кино, в котором церебральный субъект играет важную для сюжета роль и удерживает конститутивную для него связь между личностью и мозгом, несмотря на существенные и порой радикальные трансформации тела. Нас будут интересовать два основных типа фильмов о мозге: в одних представлен перенос личности путем трансплантации мозга, в других мозг, извлеченный из тела и помещенный в искусственную систему жизнеобеспечения, живет собственной жизнью. Эта последовательность эмансипации мозга как носителя личности подведет нас к своему «логичному итогу»: воплощенной в сериале «Видоизмененный углерод» идее загрузки личности на цифровой носитель как исполнению предельных обещаний идеологии церебрального субъекта. На при-

13. *Фуко М.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. С. 261.

мере этого сериала мы рассмотрим возможный конфликт между технологией загрузки личности, принятой на вооружение биополитической властью, и религиозной жизнью, опирающейся на доктрину о душе. Этот конфликт развернется в координатах жизни, смерти и управления.

Куда мозг, туда и личность

Классикой кино о мозге является «Франкенштейн» (1931) Джеймса Уэйла, снятый по мотивам готического научно-фантастического романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или новый Прометей» (1818). Он стал первой лентой популярной серии фильмов о докторе Генри Франкенштейне и его творении — гностической драмы демиурга и творения, отягощенного злом, и одним из первых фильмов о трансплантации мозга. Сюжет таких фильмов, как правило, разворачивается вокруг внутривидовой и межвидовой трансплантации мозга X в тело Y и судьбы полученного так гибрида.

По сравнению с литературной основой в «Франкенштейне» добавляется сюжетная линия о пересадке мозга творению доктора и последующем влиянии этого мозга на его похождения. Линия начинается в учебной аудитории университета Женевы, где доктор Вальдман демонстрирует аудитории два извлеченных из тел мозга, нормальный и предположительно дисфункциональный. Комментируя ущербность последнего, он отмечает, что его внешние особенности — малое число извилин в лобных долях и вырожденность средней лобной извилины — соответствуют криминальной и жестокой жизни бывшего владельца мозга. Впоследствии из-за оплошности ассистента именно этот «криминальный» мозг попадает в лабораторию доктора Франкенштейна, студента Вальдмана. Франкенштейн не замечает замены и вкладывает мозг в тело своего монстра (из-за этого в каноническом образе у монстра скошена макушка), чтобы затем оживить его при помощи электричества.

Пример этого существа показателен: мертвый мозг получает вторую жизнь в теле, собранном из частей тел разных людей. Мозг, неустранимо единый и простой, качественно отличается от остального тела, которое может быть и составным, так как неразрывно связан с личностью. Он вкладывается в тело подобно душе, и при жизни играет схожую с ней роль: оживляет и управляет безжизненным телом. Если прежде душа была кормчим

корабля-тела, то отныне кормчий имеет ту же природу, что корабль, но, как и душа, потенциально отделим от него. Нематериальная душа благодаря божественному устройству мира, лишившись тела, покидает бренный мир и переходит в мир иной, чтобы впоследствии предстать на Страшном суде и, возможно, воскреснуть в восстановленном теле для вечной жизни. Церебральное бессмертие, напротив, лишено трансцендентности: мозг, эта новая секулярная и материальная душа, благодаря технологическому прогрессу трансплантируется из одного тела в другое, более молодое, и пределом этой череды тел является только износ органической материи мозга.

Мозг материален, и его видимая морфология, как утверждает доктор Вальдман, обусловливает черты, склонности, поведение личности и даже ее жизненную траекторию. В представлении героев морфология мозга выступает как своеобразная судьба, которая будет преследовать любое тело, в которое помещен этот мозг[14]. Впрочем, дальнейшее развитие событий, даже несмотря на совершенные существом убийства, едва ли подтверждает причинную связь между «криминальным» мозгом и поведением: существо проявляет жестокость только в ответ на агрессию.

Тем более показательны интерпретации фильма в современных ему рецензиях и в позднейшей рецепции конца XX века. Как показывает Фернандо Видаль, многие из них так или иначе способствовали «церебрализации» сюжета и введению фильма в рамку биологического детерминизма[15]. Согласно таким интерпретациям, сюжетная линия трансплантации мозга была введена для объяснения жестокостей существа мозгом, доставшимся ему по роковой случайности от преступника, и снятия вины с доктора Франкенштейна. События фильма предстают как борьба с существом, реализующим судьбу, навязанную пересаженным мозгом, и борьба самого существа с обусловленной мозгом

14. Таких же взглядов придерживались профессор Преображенский и доктор Борменталь в повести «Собачье сердце» Михаила Булгакова, написанной в 1925 году. Навязчивая идея церебрализации, витавшая в воздухе в те годы, в России подпитывалась знаменитыми трансплантационными экспериментами (напр., Сергея Воронова и Сергея Брюхоненко) и деятельностью Института мозга (см. напр.: *Спивак М.* «Мозг отправьте по адресу...»: Владимир Ленин, Владимир Маяковский, Андрей Белый, Эдуард Багрицкий в коллекции Московского института мозга. М.: Corpus, 2010).

15. Vidal, F. (2011) “Fiction film and the cerebral subject”, in F. Vidal, F. Ortega. (eds) *Neurocultures: Glimpses Into an Expanding Universe*, pp. 329–344. Frankfurt am Main; New York: PeterLang.

жестокостью и предрасположенностью убивать. В этих интерпретациях, на деле противоречащих фильму и вчитывающих в него церебральный детерминизм, настойчиво заявляют о себе представления о связи мозга и личности, ставшие культурно значимыми к 1930-м годам.

Сюжет борьбы с «нейросудьбой», навязанный интерпретациями фильму, снятому задолго до расцвета нейронаук, становится основой многих сюжетов уже в пору этого расцвета. «Франкенштейн» помечает новый предел вмешательства биополитики в жизнь индивидов, установленный развитием исследований мозга и идеологии церебрального субъекта. Связь мозга и личности операционализирует личность для биовласти. Манипуляции с мозгом позволяют отделить личность от тела, расширив возможности принуждать жить и позволять умереть: теперь жизнь может быть принудительно (и потенциально бесконечно) продлена и в случае гибели тела. Однако и жизнь, и смерть все еще зависимы от нередуцируемого остатка плоти — мозга, и биовласть вынуждена считаться с этим своенравным органом.

Мозг в бочке

Одновременно с «Франкенштейном» в научной фантастике появляется образ еще более эмансипированного мозга — существующего отдельно от тела и поддерживаемого системами жизнеобеспечения. *Brain in a vat*, или «мозг в бочке» — это мозг в сосуде с питательной жидкостью и подключенными к нему проводами, по которым он получает необходимые вещества, кислород и чувственные данные. (Вариацией этого образа является живая голова, как, например, в научно-фантастическом романе Александра Беляева «Голова профессора Доуэля» (1925).) Сама идея «мозга в бочке» появилась и плодотворно использовалось в научных мысленных экспериментах. Еще в 1929 году марксистский историк науки Джон Бернал, рассуждая о сути и способах расширения человечества современного типа, предлагал вообразить сеть соединенных между собой мозгов, чья жизнедеятельность поддерживалась бы потоками свежей крови[16]. А начиная с 1960-х годов в рамках философских дискуссий о тождестве личности и при-

16. Bernal, J.D. (1929) *The World, the Flesh & the Devil: An Enquiry into the Future of the Three Enemies of the Rational Soul*. London.

роде сознания становятся популярны мысленные эксперименты об извлекаемых, разделяемых или трансплантируемых мозгах.

В отличие от научных мысленных экспериментов научная фантастика не ограничена требованием строгой аргументированности высказываний, не должна решать обсуждаемые проблемы или защищать ту или иную теорию. В уже упоминавшемся научно-фантастическом романе Олафа Стэплдона о восемнадцати видах людей, опубликованном в 1930 году, Четвертые люди — это искусственно созданные гигантские супермозги с редуцированным телом, живущие в огромных башнях-черепах и не занимающиеся ничем кроме познания. Между собой они общаются «телекинезом» — излучениями, испускаемыми их марсианскими микроорганизмами-симбионтами. Жизнедеятельность этих существ поддерживают технические устройства и создавшие их Третьи люди, которые стремились «произвести человека, в котором нет ничего, кроме самого человека»[17]. Главными чертами человека они считали мыслительную деятельность и ее органы, мозг и руку. Если руку превзошли технические устройства, то мозг, как считалось, превзойти нельзя, поэтому он и стал сущностью и телом нового вида, чтобы помочь своим создателям понять природу бессмертия. (Стэплдон, будучи атеистом, смоделировал в своем романе специфический культ поклонения жизни.) Надо сказать, цели своей Четвертые люди не добились, хотя познали очень многое. Они исчерпали свои возможности познания и, неспособные ни на что другое, начали ненавидеть своих создателей, которым была доступна радость жизни. В итоге все закончилось уничтожением Третьих людей и последующей гибелью супермозгов.

Представленные во множестве научно-фантастических произведений, мозги в бочке удивительно деятельны, несмотря на отсутствие тела, и часто демонизируются (при этом нарочито увеличиваясь в размерах). Мозгов-злодеев множество: инопланетный мозг Крэнг в анимационной франшизе «Черепашки-ниндзя» (с 1988 года), еще один инопланетный мозг Гор в «Мозг с планеты Ароус» (1957), марсиане-мозги в «Марс атакует» (1996), мозг миллионера Донована в фильме «Мозг Донована» (1953), главный арахнид в «Звездном десанте» (1997), Четвертые люди у Стэплдона и так далее. Мозги планируют захват или уничтожение мира и подчиняют себе живые существа, подобно средневе-

17. *Стэплдон О.* Последние и первые люди: История близлежащего и далекого будущего. Создатель звезд. М.: АСТ, 2004. С. 235.

ковым демонам. Парадоксальным образом самое близкое человеку — орган, в котором предположительно укоренена его самость, «самое человечное в человеке» — оказывается под подозрением и дистанцируется от зрителя (в том числе инопланетным происхождением). К этому располагает и его натуралистичный внешний вид — сморщенный склизкий шарик жира, плавающий в жидкости — но едва ли дело в этом. Мозг без тела воспринимается как доведенная до предела и абстрагированная от всего остального способность мышления и познания. В отсутствие тела он не способен на эмоциональные проявления, традиционно приписываемые «сердцу», на человеческие слабости и радости. Попытки получить дистиллированное человеческое начало выпускают скрывающуюся в нем возможность зла и устраняют собственно человеческое. После веков пренебрежительного отношения к телу и превознесения души, а также после ренессансной реабилитации плоти устранение тела нейроцентризмом и превознесение им мозга выглядит как новое, на этот раз секулярное отделение человека от живого материального мира.

Видоизмененный углерод: мозг неокатоликов

Радикальным отделением человека от материального мира был бы вынос его личности за пределы тела и мозга. Во многих религиозных доктринах, например авраамических, это осуществлялось при помощи души, теперь же это воплощено в идее загрузки сознания на носитель (mind uploading). Такая загрузка одновременно продолжает и финализирует идею церебрального субъекта. В идеологию церебрального субъекта в силу ее относительной зависимости от нейронауки встроена возможность ее финализации. Дело в том, что одна из радикальных возможностей или обещаний современных исследований мозга, даже их «логичный итог»[18] — полное картирование мозга, распознание нейронных связей и паттернов с их последующей оцифровкой и загрузкой в компьютер. В пределе это может означать возможность жизни сознания без органического тела и мозга в реальном или виртуальном мире. Здесь технология переноса личности делает шаг вперед по сравнению с трансплантацией мозга, сдвигая сома-

18. Sandberg, A., Boström, N. (2008) *Whole Brain Emulation: A Roadmap (PDF). Technical Report #2008-3*. Future of Humanity Institute, Oxford University [http://www.fhi.ox.ac.uk/reports/2008-3.pdf, accessed on 12.06.2019].

тическую границу личности и полностью освобождая ее от бренной плоти.

В научной фантастике у идеи загрузки сознания на цифровой носитель солидная традиция. В том или ином виде ее можно найти у таких научно-фантастических писателей, как Станислав Лем, братья Стругацкие, Уильям Гибсон, Пол Андерсон, Йэн Бэнкс, а в кинематографе — в лентах «Призрак в доспехах» (1995), «Обмен телами» (2000), «Аватар» (2009), «Вне/себя» (2015), «Репродукция» (2018) и др. Мы обратимся к детективному киберпанк-сериалу «Видоизмененный углерод» (2018 — наст. вр.), основанному на одноименном романе Ричарда Моргана 2002 года, поскольку в сюжете сериала распространение и рутинизация технологии загрузки сознания вступает в конфликт с религиозной жизнью верующих.

К XXIV веку, когда происходят основные действия сериала, человечество колонизировало отдаленные планеты, а искусственный интеллект давно стал обыденностью (один из героев сериала, искусственный интеллект по имени Эдгар Аллан По, является зданием отеля). Хотя от нашего мир сериала отделяют триста лет, он поразительно на него похож. Ключевое отличие — новые возможности, открывшиеся благодаря заимствованию инопланетной технологии. На руинах инопланетной цивилизации на Марсе и других планетах были найдены артефакты, на основе которых удалось разработать технологию сохранения личности и воспоминаний («цифровой человеческий груз») на «диск» (или «кортикальный стэк») и его трансплантации в новое тело. Диск всегда находится при владельце, встроенный в основание его черепа. Его в обязательном порядке имплантируют всем гражданам межпланетного государства («Протектората») старше одного года. Оцифровка личности становится в этом мире рутиной и социальной конвенцией и благодаря этому во многом переопределяет общество, экономику и политику: диск здесь принудительно вживляется каждому гражданину старше одного года и задействован во многих социальных, экономических и политических практиках. Задействован, следует отметить, реалистично: новые тела стоят денег, поэтому выбор и смена тела доступны немногим привилегированным индивидам, управляющим миром из своих парящих в небесах резиденций. Только они могут реализовать технологическое бессмертие. В этом отношении сериал представляет собой критику трансгуманистической футурологии, которая игнорирует тот факт, что любые технологии — это не только воз-

можности, но и материальные условия их внедрения, распространения и применения. Общество, изображаемое в сериале, — это урбанизированное посткапиталистическое общество с сильным социальным расслоением. Государство переплетено с корпорациями, и есть большие серые зоны, в которых оно закрывает глаза на их дела или даже прямо санкционирует их.

Срок хранения личности и воспоминаний на диске ограничен только его материальными характеристиками, а количество тел и прожитые годы — финансовыми ресурсами и психическими силами человека. После естественной или насильственной смерти человека его диск, если он не был поврежден, может быть имплантирован в другое тело — чужое, клонированное или синтетическое (в фильме их называют *sleeves* — «обложки» или «рукава», которые можно менять). При этом здесь под страхом уничтожения диска запрещено создавать копии личности на других дисках. Пока диск цел, есть шанс на возвращение к жизни, уничтожение диска — настоящая смерть, уже не связанная с разрушением органического тела. Более того, пребывание на диске без тела в некотором смысле можно назвать если не жизнью, то существованием: пенитенциарная система избавилась от тел, и тюремный срок индивиды отбывают, пребывая на дисках, но не в телах (главный герой к моменту начала действия отбыл 250-летний срок). Ждут на дисках и те, у кого после смерти тела нет денег на новое, пока их семья не накопит достаточно, чтобы купить им хоть какое-то тело.

Эта инопланетная технология открывает множество возможностей. Можно почти мгновенно путешествовать между планетами, воплощаясь на новой планете в новом теле. Жертвы преступлений могут «переоблачиться», то есть воскреснуть, на один день в другом теле, чтобы выдвинуть обвинения против убийцы, попрощаться или пообщаться с близкими. Есть государственный склад тел, освободившихся после заключения людей в тюрьму. Эти тела продаются или сдаются в аренду тем, кто не может купить тело своему близкому. Например, тела берутся в аренду по особым случаям: праздникам, семейным торжествам и т. д. Также к аренде прибегают, чтобы в рисковых ситуациях поберечь свою оболочку и использовать арендованную, или для командировок с других планет. Кроме того, в этом мире существует подобие социального обеспечения. Поскольку имплантация диска общеобязательна и этот статус поддерживается государством, оно обеспечивает бесплатную оболочку жертвам преступлений, ава-

рий, несчастных случаев, стихийных бедствий. При этом тело может не соответствовать личности: маленькую девочку могут «переоблачить» в тело пожилой женщины. Эти же тела выдаются заключенным, отбывшим срок.

Большой пул возможностей связан с виртуальной реальностью. Можно загрузить сюда личность ради тех или иных действий и событий — происходящее здесь переживается как реальное. Этой возможностью пользуются, например, для допросов и пыток — реальных, но не повреждающих тело. Смерть здесь — просто окончание раунда, после которого следует перезагрузка, и так до бесконечности. Естественный предел пыток — прочность человеческого тела — здесь устранен, и последняя альтернатива, смерть вместо страдания, отнята у подвергающегося пыткам, его страдание бесконечно.

Ни в сериале, ни в книге не идет речи о том, что в результате познания или усвоения инопланетного знания обнаружена иная, чем мозг, локализация личности. То есть умолчание современного западного мира, идеология церебрального субъекта, сохраняет здесь свою силу: личность реализована на субстанции мозга. На диск она копируется именно с мозга. Поэтому можно предположить, что в инопланетной технологии реализован один из пределов усилий и мечтаний нейронауки — полное картирование всех нейронных связей мозга, их определение и оцифровка[19]. Интересно, что к реализации загрузки сознания на носитель человечество пришло не путем систематического научного познания, а в результате некоего разрыва в нем или вторжения в его ход извне — находки и успешного заимствования чужих знания и технологии. Бессмертие и изменение природы смерти были привнесены, а не достигнуты человеком, это дары или наследство таинственной погибшей и более развитой цивилизации. (Что явно отсылает к уфологическим интерпретациям древних

19. Отметим, что в самом сериале есть внутреннее противоречие, нарушающее идею церебрального субъекта, намертво связывающую данный мозг с данной личностью. Предполагается, что диск с личностью, скопированной с уникального мозга в одном теле, имплантируется в любое тело, то есть на любой мозг можно перенести любую личность. После переноса личности требуется то или иное время, чтобы адаптироваться к телу, однако едва ли за это время все нейронные связи перестроятся так, чтобы соответствовать оригинальному мозгу. Эта нестыковка означает, что либо сериал противоречит нашим текущим знаниям о мозге, либо инопланетная технология включает в себя функцию быстрой перестройки нейронных связей.

мифологических сюжетов о благах, полученных в дар от высших существ, спустившихся с небес.)

Тело теряет свою значимость и становится коммерческим расходным материалом («рукава» или «обложки»). Оно уже не храм, как, например, в православии, но и не тюрьма, как в неоплатонизме или гностицизме. Это, строго говоря, необязательное в общем-то временное жилье и инструмент для личности, оплот которой отныне — диск и, шире, каналы передачи данных. Переживания можно безопасно получить и в виртуальном мире. Но идентичность вовсе не дематериализуется и не уподобляется древней душе. Меняется тип ее материальности: теперь это не органика, а компьютерные устройства. Освободившись при помощи технологий от плоти, она попадает в зависимость от техники. Теперь техника определяет предел подлинной смерти. При этом рождение все так же неразрывно связано с плотью, и без функционального мозга невозможно появление сознания. Необходимость воспроизводства удерживает связь человека с телом. Эта технология потенциально дарует бессмертие, отменяя смерть, столь важную для религиозной жизни. Смерть вынесена за пределы плоти: это не разрушение тела, а разрушение диска.

Важно, что эта технология освоена государством и корпорациями и включена в арсенал вторжения в жизни индивидов. Это серьезно меняет характер самой биовласти. В интерпретации Фуко власть суверена «заставляла умереть и позволяла жить»: в смерти подданного проявлялась абсолютность власти. Сформировавшаяся позднее биовласть, напротив, состояла в том, чтобы «заставить жить и позволить умереть». Она сделала акцент на взращивании, исправлении и наставлении жизни, контроле ее рисков, случайностей и недостатков. При этом смерть как граница жизни стала пределом и концом власти: теперь она «олицетворяет момент, когда индивид ускользает от всякой власти, обращается к самому себе и отступает в некотором роде в самую частную область»[20]. Власть больше не имеет отношения к смерти и позволяет ей исчезнуть. В «Видоизмененном углероде» биовласть исправляет этот недостаток: благодаря диску она лишает смерть индивида связи с телесной смертью и возвращает ее под свой контроль, попросту отнимая смерть как таковую у индивидов. Жизнь индивидов лишается телеологии, направлявв-

20. *Фуко М.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. С. 261–262.

шей ее к смерти, и зависает в безвременье прозябания на диске. Они буквально «вынуждены жить даже тогда, когда биологически они давно уже должны быть мертвы»[21]. За счет расщепления двух смертей биовласть принуждает индивидов к потенциально бесконечному существованию, в котором она сможет неограниченно вмешиваться в их жизни. И достигнуто это было при помощи радикального рывка в развитии знаний о мозге. Биовласть, переформатировавшая с их помощью смерть, неизбежно вступает в конфликт с представлениями и практиками верующих, для которых смерть — едва ли не центральное событие как сотворенного Богом мира, так и их личной жизни.

Одна из острых общественных проблем, важных для сюжета сериала, связана с отношением верующих, представленных здесь неокатоликами, к технологизированной практике продолжения жизни после смерти тела. Неокатолики верят, что после телесной смерти душа отходит в мир иной, и «воскресающий» при помощи инопланетной технологии человек уже не имеет души. Диск хранит информацию, но не душу. Неокатолическая идеология детально не прописана ни в книге, ни в сериале. В порядке спекуляции можно предположить, почему нежелательно посмертное посюстороннее существование человека, уже лишенного души. Это своего рода зомби, обладающий сознанием и психической жизнью, но лишенный невидимого и важного избытка или особого качества существования. Без души он выводится из сферы действия божественной справедливости и воздаяния, не способен записать на свой «счет» грех или заслугу, поскольку такого счета у него уже попросту нет. Это своего рода «серое» для божественного аудита существование. Зато счет есть у души, ранее связанной с этой личностью, и на него могут поступать вроде бы чужие, но все еще свои грехи. Либо за совершаемые человеком без души поступки, либо за то, что данная душа позволила возникнуть существу, для которого Бог умер. Оцифровка личности, отделение смерти от тела и ее привязка к техническому устройству несовместимы с неокатолическими представлениями о связи души и тела и о роли телесной смерти. Между трансцендентным всеобщим Воскресением в восстановленных телах и имманентным технологическим переоблачением в чужих или искусственных телах они ожидаемо выбирают первое.

21. Там же. С. 262.

После поражения последнего бунта против Протектората два с половиной века назад неокатолики остаются единственными, кто противостоит технологизированному общественному порядку и отказывается от каких бы то ни было манипуляций с диском после смерти. Для этого принадлежащие верующим диски покрываются специальной маркировкой, защищающей их от повторной имплантации. В фильме эта маркировка остается последней границей, защищающей желанную неокатоликами подлинную смерть от кошмара биополитического бессмертия.

При этом, однако, на момент событий сериала неокатолики, по сути, проиграли борьбу с биовластью, ведь предел их требований — лишь запрет на манипуляции с диском, а не право на отказ от имплантации диска как такового или право на его уничтожение после телесной смерти. Они требуют для себя схлопывания различия телесной и технологической смерти. Сохранение диска означает сохранение угрозы того, чего они так страшатся. Более того, даже защищающая от повторной имплантации маркировка перестает быть какой-либо гарантией из-за принятия в конце первого сезона сериала 653-й поправки, разрешающей судам пренебрегать религиозной маркировкой и воскрешать убитого для дачи показаний. Биополитический режим постепенно проникает в смерть неокатоликов и начинает окончательно присваивать ее себе путем ее устранения.

Предположим (о противоположном ничто в сериале не говорит), что религиозная жизнь и характер религии в XXIV веке не отличаются существенно от таковых в 2019 году, когда в практической жизни религиозная доктрина о душе в основном уживается со многими достижениями науки, изменившими наши представления о природе человека (разумеется, конфликты и неприятие бывают, но чаще в случаях отдельных религиозных организаций (напр., Свидетели Иеговы, отказывающиеся от переливания крови) или отдельных верующих). Это совмещение в жизни одного индивида разнородных дискурсов о его природе с вытекающими из них этическими (в указанном в начале статьи смысле) следствиями возможно, лишь пока они мобилизуются в разных ситуациях и между ними не возникает неустранимый практический конфликт. Пример такого конфликта и демонстрирует нам сериал «Видоизмененный углерод»: когда практики, вытекающие из одного дискурса, начинают противоречить фундаментальным положениям других.

Верующие за редким исключением не испытывают особых проблем ни с признанием нейронаучного знания (и, шире, принятием идеологии церебрального субъекта), ни с практиками опирающегося на него медицинского вмешательства в работу головного мозга. Однако конфликт возникает в предложенной сериалом воображаемой ситуации радикального развития нейронаук вплоть до их «логичного итога», изобретения (обнаружения или заимствования) технологии переноса личности с мозга на цифровой носитель и ее последующей имплантации в любое тело. Точнее, это конфликт религиозных представлений и практик, связанных со смертью, с биополитическим вмешательством в жизнь индивида, при помощи технологии переопределяющим саму природу смерти и отменяющим ее ради неограниченного управления жизнью. Неокатолики противостоят не самому научном знанию и не технологии загрузки сознания и потенциально бесконечного существования, а эксплуатирующему их и ничем уже не ограничиваемому биополитическому принуждению к жизни и ее присвоению. Потенциальная беспредельность жизни равнозначна здесь беспредельности вмешательства биовласти. Оберегая ради спасения границу своей жизни, смерть, неокатолики противостоят власти, стремящейся при помощи технологии отнять у них эту границу ради бесконечности контролируемого существования.

Решение удержать границу своей жизни соматической и не технологизировать ее делает неокатоликов аутсайдерами и даже фриками в этом технологизированном мире. Более того, по своей уязвимости жизнь верующего приближается к «голой жизни». Неокатолик особенно уязвим перед убийцей, поскольку после телесной гибели он не может быть воскрешен в другом теле для свидетельствования против своего убийцы. Любой может убить их с большой вероятностью безнаказанно. Эта уязвимость кладется в основу главной сюжетной интриги. В первом сезоне сериала фальшивая религиозная маркировка позволяет владелице элитного борделя не допускать судебного допроса убитых клиентами девушек: маркировка запрещает оживлять их ради показаний, и тайна смерти остается погребенной на дисках. Владелица шантажирует миллиардера, нанявшего Ковача расследовать свою смерть; она пытается добиться от него лоббирования отказа от принятия поправки 653. Эта поправка разрешает судам оживлять жертв или предполагаемых жертв для дачи показаний независимо от их религиозной принадлежности. При-

званная восстанавливать справедливость и защищать неокатоликов от состояния «голой жизни», поправка делает шаг к их лишению последней защиты от биовласти. Иными словами, защищая цельность своей смерти и надежду на вечную жизнь от технологизированного биополитического вмешательства в жизни всех индивидов, неокатолики вынужденно приближаются к состоянию голой жизни, а когда государство берется устранить угрозу этого состояния, они лишаются своей последней защиты от этой технологии. Таким образом, верующие попадают в сериале в тяжелую ситуацию: либо стать аутсайдерами, практически мучениками при жизни, но сохранить надежду на вечную жизнь, либо обрести защищенность от насилия в этой жизни, пожертвовав вечной жизнью и оказавшись обреченными на вечные муки.

Заключение

Несмотря на определенную популярность, «Видоизмененный углерод» был разгромлен многими критиками, увидевшими в нем если не закат, то тупик жанра киберпанка. Его обвиняли в излишней эксплуатации ретрофутуристической ностальгии, объективации женского тела, чрезмерном количестве и изощренности насилия, отсутствии новых идей и примитивной реализации имеющихся[22]. В будущем, изображенном в этом сериале, нет многих инноваций, которые уже есть в нашем настоящем. Но, возможно, именно из-за скудности инноваций, благодаря которой в этом мире узнаваем наш мир, сериалу удается предложить зрителю сосредоточиться на конкретном мысленном эксперименте. Здесь, пусть и с помощью инопланетян, исполняются обещания современной нейронауки и сопутствующей ей идеологии церебрального субъекта: сознание отделяется от мозга и записывается на носитель, переносится в любое тело и, как следствие, смерть индивида отделяется от телесной смерти. Биовласть, присвоив эту

22. См., напр.: Robertson A. (2018) “Altered Carbon’s Blade Runner rehash misses the point of cyberpunk”, *The Verge* 12 February [http://www.theverge.com/2018/2/12/17004210/altered-carbon-netflix-blade-runner-aesthetic-cyberpunk-retro-futurism, accessed on 12.06.2019]; Britt R. (2018) “‘Altered Carbon’ and ‘Blade Runner 2049’ Don’t Exist Because of Futurism. How cyberpunk aesthetics have eclipsed cyberpunk punch”, *Inverse*. 5 February [http://www.inverse.com/article/40915-altered-carbon-blade-runner-netflix-cyberpunk, accessed on 12.06.2019]; Baker-Whitelaw G. (2018) “Netflix’s ‘Altered Carbon’ proves cyberpunk has failed to progress”, *The Daily Dot*. 2 February [http://www.dailydot.com/parsec/altered-carbon-cyberpunk-2018/, accessed on 12.06.2019].

возможность и сделав ее общеобязательной повинностью, стремится избавиться от смерти, чтобы неограниченно вмешиваться в жизнь индивидов, и, таким образом, вступает в конфликт с религиозными (в случае сериала христианскими) практиками и представлениями, в центре которых событие смерти.

В этом противостоянии за право на смерть и прекращение посюсторонней управляемой жизни неокатолики маргинализируются. Этот кейс демонстрирует, что в жизни сталкиваются не дискурсы как таковые — они прекрасно уживаются в голове индивида — и не выбираемые приватно практики. Опирающиеся на научное знание о природе человека технологии по ее трансформации неизбежно становятся предметом живого интереса со стороны биовласти. Будучи присвоенными ею и навязываемыми населению, эти технологии могут стать барьером, вытесняющим верующих на обочину общества.

Библиография / References

Дин М. Правительность. Власть и правление в современных обществах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.

Кузнецов В.Ю. Философия фантастики, или Фантастика как феномен культуры // Волшебная гора. 1993. № 1. С. 269–274.

Кузнецов В.Ю. Философия фантастики. К постановке проблемы // Философия и общество. 2010. № 1. С. 124–140.

Каплун В. Перестать мыслить «власть» через «государство»: gouvernementalité, Governmentality Studies и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // Логос. 2019. № 2. С. 179–220.

Спивак М. «Мозг отправьте по адресу...»: Владимир Ленин, Владимир Маяковский, Андрей Белый, Эдуард Багрицкий в коллекции Московского института мозга. М.: Corpus, 2010.

Стэплдон О. Последние и первые люди: История близлежащего и далекого будущего. Создатель звезд. М.: АСТ, 2004.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005.

Фуко М. О генеалогии этики. Обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2. С.135–158.

Bernal, J.D. (1929) *The World, the Flesh & the Devil: An Enquiry into the Future of the Three Enemies of the Rational Soul.* London.

Din, M. (2016) *Pravitel'nost'. Vlast' i pravlenie v sovremennykh obshchestvakh* [Governmentality: rule and government in modern societies, translated from English]. M.: Izdatel′skii dom «Delo» RANKhIGS.

Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiia gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of humanities, translated from French]. SPb.

Foucault, M. (2005) *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: Kurslektsii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [Society must be defended: lecture course read in College de France in 1975–1976 academic year, translated from French]. SPb.: Nauka.

Foucault, M. (2008) "O genealogii ėtiki. Obzor tekushchei raboty" [On the genealogy of ethics. An overview of work in progress, translated from English], *Logos* 2: 135–158.

Rabinow, P. (2002) "Midst anthropology problems", *Cultural anthropology* 17(2): 135–149.

Rose, N., Abi-Rached, J.M. (2013) *Neuro: The New Brain Sciences and the Management of Mind*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Stėpldon, O. (2004) *Poslednie i pervye liudi: Istoriia blizlezhashchego i dalekogo budushchego. Sozdatel' zvezd.* [The last and the first men: a story of the near and far future. Creator of stars, translated from English] M.: AST

Spivak, M. (2010) *«Mozg otprav'te po adresu...»: Vladimir Lenin, Vladimir Maiakovskii, Andrei Belyi, Ėduard Bagritskii v kollektsii Moskovskogo institute mozga* [«Send the brain at the address»: Vladimir Lenin, Vladimir Mayakovsky, Andrei Bely, Eduard Bagritsky in the collection of Moscow brain institute]. M.: Corpus.

Kuznetsov, V.Iu. (1993)"Filosofiia fantastiki, ili Fantastika kak fenomen kul′tury" [Philosophy of fantastic fiction, or fantastic fiction as a phenomenon of culture],*Volshebnaiagora*1: 269–274.

Kuznetsov, V.Iu. (2010) "Filosofiia fantastiki. K postanovke problem" [Philosophy of fantastic fiction. Towards posing a problem], *Filosofiia i obshchestvo* 1: 124–140.

Kaplun, V. (2019) "Perestat′ myslit′ «vlast′» cherez «gosudarstvo»: gouvernementalité, Governmentality Studies i chto stalo s analitikoĭ vlasti Mishelia Fuko v russkikh perevodakh" [To stop thinking "power" through "state": gouvernementalité, Governmentality Studies and what has happened with Michel Foucault analytics of power in Russian translations], *Logos* 2: 179–220.

Vidal, F. (2011) "Fiction film and the cerebral subject", in F. Vidal, F. Ortega (eds) *Neurocultures: Glimpses Into an Expanding Universe*, pp. 329–344. Frankfurt am Main; New York: PeterLang.

Vidal, F., Ortega, F. (eds) (2011) *Neurocultures: Glimpses Into an Expanding Universe*. Frankfurt am Main; New York: PeterLang.

Vidal, F. (2009) "Brainhood, Anthropological Figure of Modernity", *History of the Human Sciences* 22(1): 5–36.

Vidal, F., Ortega F. (2017) *Being Brains: Making the Cerebral Subject*. New York: Fordham University Press.